

ШЕПОТ ЗАСТЫВШЕЙ ВОДЫ

АННА ЧУДИНОВА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-84

Редактор серии А. Цыганкова

Оформление серии Е. Петровой

Чудинова, Анна Юрьевна.

Ч-84 Шепот застывшей воды : роман / Анна Чудинова. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-221671-8

У 30-летней Риты все рушится: брак на грани, подруга больна, а брат подруги украл у бандитов кучу денег. И Рите бы решать проблемы, но вместо этого она случайно проваливается в «изнанку» — собственный персональный ад. Теперь, чтобы выбраться, ей придется пройти все испытания и усвоить главный урок: «сначала надеть маску на себя».

Новая книга Анны Чудиновой — это роман-путешествие к своей сути. Вместо лимба здесь бар для дальнбойщиков, а проводник — безбашенный байкер, похожий на Курта Кобейна. Он-то и покажет Рите, что ад — это не воображаемая геенна огненная, а то, с чем она сталкивается каждый день.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Чудинова, 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221671-8

Посвящается Крис

Хотел спастись я смертью от позора,
И в правоте своей я стал не прав.

Данте

Иногда правда диковиннее вымысла.

Ирландская поговорка

Будешь ли переходить через воды,
Я с тобою, — через реки ли,
они не потопят тебя;
пойдешь ли через огонь, не обожжешься,
и пламя не опалит тебя.

Исаия 43:2

Глава 1

Зубная паста ползла в раковину бойко и рьяно, укладывалась на дно вылизанного до блеска фаянса толстыми обрывками загогулин. Рита представила, что эти розовые, отдающие химозной клубникой жирные плюхи и есть ее игра во взрослую жизнь. Ну, ты же сама все это выбрала. Может, уже перебесишься и дотерпишь? Боже, у тебя все есть, что тебе еще надо? Сама придумала, сама загналась. Кларисса Дэллоуэй мечтала сказать первому встречному: «Мне плохо», она мечтала перестать ненавидеть себя.

Когда пальцы добрались до горлышка, она свернула ему шею и стала давить сильнее и сильнее, отчаяннее и отчаяннее, пока в подушечках пальцев не заболело. Почему даже тогда, когда тебе кажется, что ты уже сделал все, что смог, все равно остается чувство, что можно было и поднажать? Рита, сдаваясь, отшвырнула плоский, скрюченный тюбик от зубной пасты и сдавленно захрипела. В голове крутилась мысль: «Пора с этим кончать». Он больше никогда не прикоснется к ней и не сделает ей больно. Теперь больно делает она.

В душевой кабине было зябко. Рита выкрутила ручку крана левее, теплые струи воды стали горячими. Она смотрела, как они оставляют расплзающиеся глянцевые дорожки на ее все еще красивом гладком теле. Эффект смачивания. Учительница физики когда-то говорила, что в такие моменты молекулы воды соединяются с молекулами кожи. Но рано или поздно вода убегает в сток, а ты

хватается за полотенце. Интересно, кто-нибудь задумывался о том, сколько разрушается соединений «вода-кожа», когда человек вытирается? Рита ухмыльнулась. Глянула в отражение стеклянной стенки душевой кабины. Глаза не смеялись. Сделала еще горячее. Еще. И еще. Почему она больше ничего не чувствует, хотя кожа вот-вот сварится? Почему внутри такой ледяной холод?

За стеклом кабинки замигал экран. На стиральной машине упрямо вибрировал телефон. Рита хлопнула ладонью по ручке смесителя. С усилием раздвинула заедающие дверцы. В пустое пространство ванной повалил белесый пар. Осел влажной пленкой на синей кафельной плитке. Проведи пальцами — и останется размытая клякса. Вселенная разломанных молекулярных соединений. А через время и от них ничего не останется. Почему это так похоже на ее семейную жизнь? Но чего ей не хватает? Есть муж, дочь, работа, дом. Девять лет счастливого брака. Боже, неужели уже девять! Хотя как глупо. Сейчас уместнее было бы спросить: «Счастливого ли?»

Она натянула майку и трусы, подошла опять к раковине, оперлась на нее, стала разглядывать свое уставшее лицо, остановилась на синих радужках. В них отражалась прямоугольная подсветка зеркала. Пятнадцать тысяч на карте. Семь лет без отпуска. Два с половиной года без теплых объятий. С этим можно жить? С этим можно жить. Надо включить воду в раковине, чтобы он не подумал, что она просто сидит в ванной, после того как уже вышла из душа. Снова зашумел поток, унося в сток розовое месиво. Ш-ш-ш-ш.

Тихо-тихо, чтобы ее не было слышно, Рита щелкнула замком, приоткрыла дверь. Взгляд выцепил кусок красного кресла в общей комнате. С него свисала нога Кирилла в штанине с лампасами. Он болтал голый ступней. Видимо,

в такт песни в наушниках. А ведь мог бы уже два часа как работать. Зарабатывать деньги, обеспечивать семью, но... он все еще старается выбраться из долговой ямы и взлететь в бизнесе. Девять бесконечных лет. Рита вернулась к зеркалу, распустила волосы, медленно промокнула их полотенцем, вернула его на змеевик, ай, обожгла палец о раскаленную батарею. Жжется, но не больно. Не больно. А потом она сжала кулаки, закрыла глаза.

— А что, если я от тебя уйду?

Прокричала или прошептала ли? Выблевала? Бросила походя горсть земли на бордовую крышку в заледеневшей яме?

В ответ тишина. Сердце заухало. В ушах зашумело, как в трубах, когда соседи спускают воду из смывного бачка. По щекам побежали слезы. Она снова оперлась на раковину. Как же холодно внутри! Холодно. Кто сказал, что, когда больше неможешь терпеть, кричишь так, словно горишь заживо? Иногда просто мямлишь вполголоса давно заученные, но все никак не высказанные слова, как старый прилипчивый мотивчик. Без каких-либо эмоций, будто заело пластинку, но снимать иголку с вращающегося винила нет сил. Так, наверное, чувствует себя зверь, вырванный из естественной среды обитания и посаженный в клетку. Все, что остается делать, — сцепить зубы и терпеть. Она провела пальцем от одного уголка рта к другому. Челюсти напряглись, поджалась. И обратно. Губы разомкнулись. Рита опустила голову. Ее трясло, но внутри была пустота, как в комнате, из которой только что вынесли последний стул перед тем, как уехать навсегда. В льющуюся струю воды полетел крик:

— А что, если я от тебя уйду?!

Рита замерла. Вжала голову в плечи. Но ничего не произошло. Обернулась на плотно закрытую дверь ванной.

Есть ли с той стороны хоть какое-то движение, какой-то звук, какая-то жизнь? Перед глазами возник образ Кирилла. Он увлеченно следит за тем, как какой-то летсплейщик комментирует чье-то прохождение компьютерной игры. Время от времени он поднимает взгляд на дверь, за которой она спряталась, но все не решается оставить захватывающий стрим.

Рита снова развернулась к раковине, резкими движениями смыла остатки прилипшей пасты, подставила под струю ладонь — нет никаких шансов это остановить, пробойну не залатать, не починить. То, что умерло, еще может возродиться, но то, чего и не было, вернуться не может. Рита помотала головой, влажные пряди волос приклеились к щекам. Закрыла кран, с губ сорвалась горькая усмешка:

— Если я от тебя уйду... ты этого даже не заметишь...

Вдруг Риту неестественно вывернуло. Жилистый локоть острым углом сжал ее тонкую шею. Воздуха не хватало, она пыталась отцепить от себя волосатую руку Кирилла, но он только усиливал хватку. Рита все открывала и открывала рот, но не могла выдать ни слова. Из глаз полились крупные капли, размыли реальность. В ушах зазвенело, на подсчеты не было сил, но она понимала, что кислород вот-вот закончится. Стася! Как же она останется с ним? Рита собрала всю свою ярость внутри и вцепилась в плоть мужа зубами.

— Ай! — Кирилл отпустил ее. — Больная, что ли?!

Поднес руку ко рту и присосался к ранке мясистыми губами. Сплюнул в раковину розоватую кляксу, умыл лицо.

— Если ты от меня уйдешь, я буду очень... *очень*... расстроен.

Рита осела по стене на пол, подтянула к себе полотенце, закрылась им с головой, горло саднило.

— Уйдет она... — цыкнул Кирилл. — Глупости не говори, Рит! Ладно, я на работу. — Он ткнул ее пальцем в лоб и вышел. Через какое-то время хлопнула входная дверь.

Рита сидела неподвижно, молча, слушая, как в холодильнике кричит чайка. А-а-а-каааак-жеее. Выпросила пооо-щщщ-а-а-а-ддд-ыыы. Проси и щща-а-а-а-ссс-тья. И хотя вызванный мастер сказал, что холодильник в режиме отдыха вполне может постукивать и поскрипывать из-за температурной деформации составных частей («Кричать? Нет, кричать, как птица, не может. Это вы преувеличиваете»), Рите все равно казалось, что изнутри этого белого саркофага ее зовет чайка. А она все никак не может понять, где, на какой полке, за лимоном или помидором, та спряталась.

Через какое-то время Рита сбросила полотенце, еще раз потерла ладонями шею, взяла со стиралки телефон. Два пропущенных звонка. Нажала кнопку вызова.

— Е-мое, Ритка! Ты че там спишь, что ли? — Алькин голос всегда разрешал выдохнуть и немного встряхнуться, как собака, которая только что вышла из воды.

— Уже нет.

— Как твои ученики? Сегодня есть занятия?

— Нет, вчера Сенина мама написала, что он сегодня не сможет.

— Супер. Значит, мы сейчас к тебе приедем.

— Мы?

— Рит, ты че? Я и Тимур.

— Ну да... да. Что-то случилось?

— Ничего не случилось... Так, я не поняла, ты что-то скрываешь от меня? Мне уже начинать беспокоиться?

— Перестань. Я просто... — Рита не договорила фразу, ей показался собственный голос чересчур испуганным. — О'кей, через сколько вас ждать?

— Через полчаса. Успеешь накраситься еще. — Алька отключилась.

Через полчаса. Значит, у нее есть время прогуляться до озера и подышать.

Спаленные еще летом борщевики торчали черными остовами зонтиков над рыжими камышами. Мягкие пушистые метелки бесновались под порывами ветра. Среди всей этой сентябрьской желтизны торчал синий ромб. Знак предупреждал гуляющих, что впереди прибрежная зона. Свернутые в трубочки кленовые листья хрустели под ногами. Почему-то хотелось давить их сильнее и представлять, что листья боли не чувствуют. На берегу ерзал под ногами песок, потом хлюпал, оставлял позади с каждым шагом влажные впадины. Рита постояла немного рядом с одной из них, чтобы подождать, когда она заполнится водой, но след так и остался незаполненным, пустым. Ей показалось такое поведение слабохарактерным. Рита смотрела на свои следы, а они смотрели на нее. Потом ей это надоело, и она пошла к воде.

Волны неслись к берегу и застревали в прибрежной осоке, волновались там, трепетали. Иногда тонкий длинный листик, сорная травинка или расплющенный бычок прибивались к Ритиному ботинку, покачивались у преграды туда-сюда, как сломанная стрелка компаса. И было в этом что-то двойственное. То ли хотели прогнать ее, то ли принять к себе.

Возле разбитого кирпича Рита заметила мертвую лягушку. Она была похожа на резиновую игрушку из магазина. Черная, распластанная, будто перед смертью она делала потягушки-потягушеньки, да так навсегда и застыла, парализованная смертью. Что с ней случилось? Сердечный приступ? Разлилась холодная кровь по телу, заполнила все

клеточки черным. А у лягушек есть душа? Рита присела на корточки, взяла валявшийся рядом прутик, потыкала вытянутое тельце. То пружинило податливостью, как и песок. Странно, Рите казалось, что, когда умирают, становятся камнем. Камни. Они здесь повсюду. Черные и холодные. Вечно омываемые беспокойной водой.

Порывы ветра трепали полы плаща и хвосты завязанного на талии пояса. Камыши чуть слышно пели. Солнце поднималось. Начинало слепить. Рита приложила козырек ладони к глазам. Вдалеке по линии берега к ней направлялась фигура, махала рукой. Рита отвернулась. Интересно, если никак не реагировать на это приветствие, явно обращенное к ней, единственному человеку на пляже, есть ли у нее шанс избежать разговора? Рита натянула на голову капюшон толстовки. Стала прислушиваться. Вода раскладывала из шершавых камушков чудаковатый пасьянс. И все же шаги. Хрусткие, по мелким ракушкам и осколкам кирпича. Ближе. Треск сухой ветки карагача. Рита замерла. Что это? Близость неизвестного? Откуда это тепло? Такое тонкое, вот-вот исчезнет. Если смотреть на горизонт сквозь ресницы, он сливается с водой. Она втянула носом запах стылой, застоявшейся заводи. Озерное дыхание. Если от моря тянет йодистым духом, то от озера пахнет перловицами. Кончики пальцев онемели. Чтобы хотя бы немного успокоиться, она запустила руку в мессиво из крошечных песчинок, влажных палочек и жухлых вытянутых листьев. Руку обняла сырая земля. Но это приближение другого... Оно страшит и одновременно зовет. Когда же случится это прикосновение? Каким оно будет? Разящим или невыразительным?

Рита подняла голову. Открытое широкое лицо незнакомца закрывало солнце и, казалось, светило ореолом.

— Привет, Рита!

Откуда он знает ее имя? Сердце только успело сделать два удара, как Рита опустила веки.

Отчего-то стало зябко. И тихо. Теперь она не чувствовала не только кончики пальцев, но и все тело. Осталась только ее грудная клетка с дыханием и голова. Через какое-то время Рита осмелилась открыть глаза.

Она была в своей старой детской. Той, которая еще не до конца стерта из памяти, но уже не вызывает острой, болезненной тоски. Не поворачивая головы, Рита оглядела комнату. Древний комод без ручки, громадный письменный стол (в семье не без уроды), строгий английский стул, подобранный отцом с помойки, с его спинки частенько развязно свисали ее колготки; железная кровать в углу, затравленная, жалкая, худенькая анорексичка. И все это было покрыто налетом серого инея. Если бы у журнала *AD* был конкурс на лучшую обложку в нынешнем сезоне, то эта бы, несомненно, выиграла.

Почему говорят, что ад — геенна огненная? Будто там растрескавшаяся земля и все вокруг плавится. В больших, раскаленных докрасна ямах клокочет и булькает кипящая кровь, а с тел несчастных грешников, тянущих к заблудшему путнику костлявые руки, слезают шматы кожи и тут же вспыхивают, словно облитые бензином тряпки. Нет, все не так. Ад — это не пекло, а колкая стужа. Там твоя прежняя, давно забытая жизнь со старой мебелью, горшками с почерневшими цветами на окнах. Но в тех окнах нет стекол. Только прогнившие деревянные рамы, из которых на тебя смотрит бесконечная пустошь. На сотни километров вокруг все покрыто инеем. Не сверкающим и сахарным, как в солнечный морозный денек, а матовым, серым, от одного только взгляда на который жилы натягиваются, а в горле встает холодный ком.

— Да, входная группа тут так себе.

Рита оглянулась, рядом с ней на полу ее старой комнаты, от которой осталось две полуразрушенных стены, сидел тот самый незнакомец с пляжа. Он пожевывал зубочистку и странно рассматривал ее. В нем не было ничего примечательного, кроме простоватых, но правильных черт лица. Невинные светлые глаза, чувственные губы, растрепанные русые волосы — ему бы еще гитару в руки и вышел бы чуть подкачанный Курт Кобейн. Рита опустила взгляд ниже. Новенькая черная косуха стиснула бицепсы в рукавах, кожа налилась осязаемым рельефом. Незнакомец подкидывал вверх камушек (кажется, он прихватил его с озера) и тут же ловил его. Скуик-скуик, скуик-скуик — куртка поскрипывала от малейшего движения патлатого.

— Я умерла? — Рита попробовала пошевелиться. Наконец она почувствовала тело, привстала на локтях. — Ты демон смерти и пришел за мной, да?

— Нет. Я не демон смерти. Но я пришел за тобой.

— У тебя есть имя?

— Есть.

— Назови свое имя!

— Ты серьезно? Делаешь, как показывают в фильмах? Ага, да-да-да, я Ле-е... — он нарочно стал делать паузу после каждого слога, как делают взрослые с детишками, когда хотят, чтобы те поскорее узнали загаданное слово, — в-и-и... а-а-а... фан! Ну что? Поймаешь меня теперь в ловушку, как охотники за привидениями?

Рита смотрела на него, не мигая.

— Ладно, ладно, прости, меня зовут Сумин.

— Это имя или фамилия?

— Неважно.

— Хорошо, Сумин. Что тебе нужно? Ты хочешь убить меня?